

Первое впечатление – полусумасшедший,
второе – стихотворец и просветитель

НА ТЕМНОЙ ПАПЕРТИ АПРЕЛЯ

ТРИ ИГОРЯ случились в моей жизни – три таких открытия, что до сих пор, слава богу, никак не закроются: Игорь Кузнецов, Игорь Гончаров, Игорек Варламов.

Два магнитогорца, третий не раз здесь бывал, и город наш стал ему небезразличен. Мало сказано: Игорь Кузнецов сейчас, например, болен, а выздоравливает он по мере продвижения по турнирной таблице хоккеистов «Металлурга», хотя, казалось бы, свой «Химик» ему от места рождения куда как дороже должен быть.

Игорь, Игорь, Игорек... Что-то в них от «игреков». То есть и от «иксов» тоже, но чтобы вот полностью укрыться от людей, предметов, событий, затеряться в своей загадочности – это не про них. Да и природу не обманешь – в данном случае, природу несения по жизни имени собственного. Вот и идут они по миру: алгебраическому и греческому, просчитанному до звезды на небе и случайной занозы в мизинце, и объемному, внесамаштабному, к которому можно разве что в неторопливом разговоре за чашей молодого вина пригубиться.

У Окуджавы: «...все они гусары, все они – поэты». Гусары, ой, еще как гусары. Нашего гусарского полка – «...славою увиты, шрамами покрыты». А каковы они как поэты – об этом люди знающие давно представление имеют, а читателя «ММ» предлагается составить собственное.

Игорь Николаевич Кузнецов. Полусумасшедший из поселка Паведники подмосковного Мытищинского района. То есть это он с виду таковым кажется, а на самом деле – энциклопедист, по жизни идет вполне размеренно и осознанно, хлеб ест свой и сыну, студенту, помогает

реализоваться. Опять же – стихотворец и просветитель. Лепший мой друг по Москве 70-х, многим ему обязан в прочтении – а то и в знакомстве – русских поэтов, особенно тех, кто тогда был под негласным запретом и практически не издавался: Пастернак, Цветаева, Корнилов, Кедров, Петровых. Рубцова вместе открывали для себя, Прасолова, Юнну Мориц, Татьяну Бек. Особое спасибо ему за то, что подарил мне Осипа Мандельштама – в буквальном и фигуральном смысле. Буквально – презентовал машинописью нью-йоркского, до сей поры лучшего издания. Но плюс к тому и ненавязчиво заставил меня буквально заболеть этим златоустом и бесребренником.

Родился И. Кузнецов 21 марта 1956. Окончил Московский полиграфический институт. До 1992 работал в различных московских газетах, затем был сотрудником журналов «Наука и религия», «Природа и человек», «Древности и старина», «Кладезь». Опубликовал книги-исследования «Тайны Волоколамского монастыря» и повесть из трилогии «Северная Одигитрия». По делам катакомбной церкви странствовал по святым местам России, Белоруссии, Литвы, Латвии. В качестве редактора принимает деятельное участие в подготовке к изданию книг «зоновской» мемуаристики в издательстве историко-литературного общества «Возвращение», составитель ряда книг по богословию.

В 2006 в Москве вышла книга его стихов «Красная яблоня». Думается, члены литобъединения «Магнит», равно как и многие из 80-ти тысяч читателей «ММ», не пожалуют о времени, потраченном на чтение мягких, ненавязчивых, высокой словесной культуры строк поэта Игоря Кузнецова.

НИКОЛАЙ ЯКШИН.

КОЛЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛАЕВОЙ

Март

Сосульки падают, звенят,
И крыши мокут.
Большое солнце наугад
Коснулось окон.
На этом зыбком рубеже,
Когда сильнее
Забьется сердце этажей,
Ты, хорошея,
Пройди по улочкам кривым,
Где сохнут лужи,
Пускай проталин первых дым
Тебя закружит.

Резвится речка подо льдом,
Моста расшатывая сваи.
Так рыбы, в заводь заплывая,
Рябят и бьются косяком.
Чернеют лунки, лед некрепкий
В иголках и в лучиных шишках.
У южных ветров привкус терпкий
Сосны, черемухи и вишни.

В нем есть февральские
длинноты...

В природе только настанет
Пора стремительной работы
Древесных сил и талых вод.

Прошумели весенние ливни,
Прозвенели в оврагах ручьи,
Заскользили по тонким осинам
Заходящего солнца лучи.

Засверкали зеленые искры,
Задыхалась лесная земля
И заката веселые лисы
Замелькали на дальних полях.

Мне снились призрачные рыбы
В осенней призрачности вод.
Они, рассеиваясь, гибли,
Ломая тонкий гулкий лед.

О, наши призрачные муки
И в зябком городе шаги,
Где я с проворством мелкой цуки
Плыву сквозь жизни тростники...

Простите мне и щучий голод,
И затаенность, и оскал, –
Я злой осокою исколот,
И закружился и устал.

Так трудно вырваться из круга
И тростников, и мутных вод.
Глаза горят, и длится мука,
И в сердце тонкий острый лед.

Апрель

И будет вечер в длинном свете,
И длинный свет, как талый лед,
Автобус восемьдесят третий,
Звения и плача, не придет,
И станет длинной аллея,
Острее углами встанет дом.
От близкой ночи леденя,
Вернусь, останусь – что потом?..
На темной паперти апреля
В иное видится разбег.
Страстная, горькая неделя
И время – жухлое, как снег.

В метро, похожем на соборы,
Поют хоралы: Angel dei...
Мы – перебежчики из хора
Неугомонных площадей –
Еще от бегства не устали,
И ночь сладка, как барбарис,
Где в неоправданном оскле
Колонны смотрят сверху вниз.

* Angel dei (ит.) – ангел божий.

Л. Сумароковой
Прозрачный воздух бродит
меж берез,
Едва листвою клейкою колышет
И над тобою веет еле слышно,
Чуть поднимая венчики волос.
И если здесь березы колыхались,
Держа листвою воздушные
потоки, –
Движенья рои, стройной
и высокой,
В твоих движениях легких
повторялись.

Тростниковыми ветрами вей.
И светла, и по-летнему разная,
Акварелями зыбких полей –
Непонятная знойная Азия.
И змею гляди, не таясь,
И трави меня желчью песков.
Есть с тобой нерушимая связь:
Эти сопки – цепями оков.

Белоруссия. Лето. Полночь.
Скрипку полой прикрыв,
Летит над землей Рабинович
Из Витебска в Тель-Авив.

Небесные лают собаки
И стынет земная твердь.
Стрельцы. Козероги. Раки...
А в мире лютует смерть.

Красная яблоня

Прощание, прощание одно.
Я слышу: дом гудит,
как старый улей,
И, проливая красное вино,
По саду август бродит
на ходулях.

В минувшее теперь не сыщешь
брода.
Катал клубки котенок, а потом,
Как те клубки, распутывались
годы,

Но речь моя сегодня не о том.

Я миг один осознанно и ясно
Все время продолжаю различать –
Горит закат. Под яблонею
красной

Стоит одна оставшаяся мать.

Но щедрая, когда в рассвете
года,

С таким несовместимым концом,
Мне без отца окрестная природа
Немало лет была его лицом.

Латвия

Государыня осень!
Моим островам

Почестей не воздашь...
Двое верны пустым берегам,
Только и те – мираж.

Знаете, если поверить снам
Первоначальных лет,
Щедрая осень, иным векам
Вы раздали свет.

В тех сновидениях –
берег морской,

Там, у гранитных скал,
Щурясь от солнца, в осенний зной
Я желтый янтарь искал.

А в золотых паутинах вся,
Юрате меня зовет,
Флейту едва к губам поднеся...
Флейта ее поет.

С нею по жарким пескам
пойдешь,

Вера во все чудеса,
С нею венки из осоки сплетешь,
Глядя в ее глаза.

В синих волнах поплывем, скользя,
Видя песчаное дно.

Кто же сказал, что плавать
нельзя,

Что осень уже давно?

С нею я был в глубине морской,
С нею на дне не погиб.
Слушаем вместе морской прибой,
Видим летучих рыб.

Знаете, что вспоминать о снах! –
Сны говорят о том,
Что на таинственных тех
островах

Мы до сих пор живем.
Государыня осень!

Моим островам
Почестей не воздашь...
Двое верны пустым берегам,
Только и те – мираж.

До ненастья, еще до ненастья
Над Литвою закаты бегут.
Дай мне день мимолетного
счастья

На песчаном морском берегу.

Подари мне и волны, и воздух,
И скупые осколки зари,
И хотя бы прощальные звезды
До ненастья еще подари.

Осенний сад еще хранит
Ее прощальный взгляд,
Еще рябина шелестит,
Как много дней назад,

И ливни долгие не льют,
Но и среди ветвей
Ночами птицы не поют
Мелодии о ней.

Рябины ярче вспыхнет кисть
И листья полетят,
И сад не сможет сохранить
Ее прощальный взгляд.

Осенний воздух лбом тараня,
В лесной стране
Идет художник утром ранним
С мольбертом на ремне.

И поднимаются заставы
Лесные там.
Они грозят: гореть на славу
Тугим холстам.

Холстам гореть, не догорая,
А птицам – петь.
Холстам гореть, вокруг сжигая
И тлен, и смерть.

Е. Сугоняеву

Как желтый лес во мгле осенней
Рябил, дымился и редел,
И гасли выцветшие тени
На холодеющей воде,
И как растерянно и грустно
Встречали ивы холода, –
Один художник безыскусно
В своей картине передал.

И в ней взметнулся желтым
всплеском

Из царства осени и сна
Неясный блик фигуры женской.
Она была помещена
Среди деревьев огнеликих
Водившей мастера рукой
Любовью с привкусом брусники
И оживляла берег дикий
Над леденеющей рекой.

Ноябрь

Станет хлопьями снег улетать
В электрическом тающем свете
И людей на мосту настигать
Огибающий здания ветер.

Промелькнут одиноких машин
Убегающих в ночь силуэты,
И потянутся к стеклам витрин
Тополиные теплые ветви.

Мне во всех ноябрях не найти
одного человека.

Я гляжу на людей и его надеваю
пальто.

Он отец мой и друг
и единственный лекарь
Тихой боли моей, о которой
не знает никто.

Я врывался в декабрь
со сдавленным криком,

Где больной снегопад оставляет
на лицах печать;

Я метался во снах перепутанных,
черных и диких,

И уставшая мама учила меня
не кричать.

А во всех январях под землей
печальней и тише,

Под землю отец, и я память
о нем сохраняю.

Только кажется мне, что,
надев самодельные лыжи,

Он бежит, пролагая
от кладбища к дому лыжню.